

Семантика конструкций с сентенциальными актантами в осетинском языке

1. Изучение конструкций с сентенциальными актантами (или актантных предложений) в языках мира предполагает установление списка стратегий оформления сентенциального актанта (далее: СА), допустимых при глаголах, способных присоединять актантные предложения. Например, глагол *знать* в русском языке присоединяет придаточное предложение с союзом *что*, глагол *собираться* сочетается с инфинитивом и т.п. Однако во многих языках глаголы, способные присоединять актантные предложения (далее: матричные глаголы) допускают несколько стратегий оформления сентенциального актанта, например, русский глагол *бояться*:

(1) *Я боюсь идти в лес / Я боюсь, что не приду сегодня / Я боюсь, не приду сегодня.*

Выбор между данными конструкциями обусловлен как синтаксическими параметрами (корреферентность vs. некорреферентность субъекта зависимой клаузы подлежащему главной – необходимое требование для использования инфинитива в (1)), так и семантикой СА. Для описания выбора оформления сентенциального актанта в таких случаях исследователями был выделен инвентарь понятий, отражающий различие в семантике зависимой предикации. Это следующие понятия: имплицативность, факт, событие, пропозиция (Karttunen 1971, Noonan 1985, Арутюнова 1988, Зализняк 1990, Подлеская

1990, Калинина 1992, Peterson 1997 и др.); генерическое событие (Сердобольская 2011); ирреальные СА (Ransom 1986). В работах (Зализняк 1990; Peterson 1997) также привлекаются понятия пресуппозиции и ассерции для объяснения распределения стратегий оформления СА. Во многих языках противопоставление факта и события кодируется теми же средствами, что и противопоставление пресуппозиции и ассерции; довольно часто пресуппозитивные СА вводятся теми же средствами, что и СА в ассерции. Например, в русском языке СА при глаголах *знать* и *думать* могут оформляться одинаково, придаточным предложением с союзом *что*:

(2) *Мы знаем, **что** в основе любой народной культуры лежит одухотворение природы.* [НКРЯ: Народный костюм: архаика или современность? // «Народное творчество», 2004]

(3) *Тогда я думала, **что** главная проблема общения с компьютером — это порча зрения...* [НКРЯ: Елена Павлова. Вместе мы эту пропасть одолеем! // «Даша», 2004]

Между тем, СА данных глаголов принадлежат различным компонентам высказывания: при глаголе *знать* СА находится в пресуппозиции, при *думать* – в ассерции (см. Апресян 1995).

В этом плане осетинский язык демонстрирует единственный известный нам случай, когда для выражения противопоставлений факт vs. событие и пресуппозиция vs. ассерция зарезервированы не зависящие друг от друга средства. Ниже мы попытаемся показать, что в осетинском языке для

выражения семантики СА (факт, событие, ирреальные СА) служат союзы; различие между пресуппозитивными и ассертивными КСА кодируется с помощью местоимения-коррелята.

Исследование основано на данных иронского диалекта осетинского языка. Материал был собран в 2010-2012 гг. в г. Владикавказ, Алагир, с. Дзуарикау. Работа выполнена при поддержке грантов РГНФ №11-04-00282а и 12-34-01345; РФФИ № 11-06-00512а; Минобрнауки № 2012-1.2.1-12-000-3004-9859.

2. В осетинском языке выделяются следующие основные стратегии оформления СА:

- инфинитив с показателем *-ын*:

(4) *мæн фæнд-ы хæдон ба-лхæн-ын.*

1Sg.GEN хотеть-PRS.3SG рубашка PV-покупать-INF

Я хочу купить рубашку.

- номинализация (причастие прошедшего времени с показателем *-т*):

(5) *мæ= зæрдæ-мæ цæу-ы дæ=*

1Sg.POSS сердце-ALL идти-PRS.3SG 2Sg.POSS

хæринадж-ы конд

обед-GEN делать.PTCP.PST

Мне нравится, как ты готовишь.

- деепричастные формы с показателем *-гæ* и *-гæйæ*:

(6) *æз федт-он де= 'фсымар-ы*

1Sg видеть-PST.1SG 2SG.POSS брат-GEN

бæх-ыл цæу-гæ-йæ.

лошадь-SUPER идти-PCVB-ABL

Я видел, как твой брат проезжал верхом на лошади.

- союзы: *каей, куыд, куы, цæмай, цыма, æмæ, кæд, цалынмæ:*

(7) *æмæ =дам =дæ фæнд-ы цæмай*

и CIT 2Sg.ENCL.GEN хотеть-PRS.3SG чтобы

=дæ фервæз-ын кæн-он

2Sg.ENCL.GEN освободить-INF делать-SBJV.1SG

де 'лдар-æй?

2Sg.ENCL.GEN барин-ABL

И, мол, ты хочешь, чтобы я тебя освободил от твоего барина? [Из текста.]

- цитативные показатели *зæгъгæ* и *дам:*

(8) *æз фе-хъуыст-он, горæт-ы мит*

я PV-слышать-PST.1SG город-GEN снег

уар-ы, зæгъ-гæ.

падать_об_осадках-PRS.3SG сказать-PCVB

Я слышала, что в городе снег идет. (Кто-то мне сказал)

Инфинитив употребляется в случае, если ситуация в СА находится в отношении временного следования в сравнении с ситуацией в главной предикации, как в (4) (относительно времени ситуации главной клаузы) или не имеет конкретной временной референции (т.е. обозначает гномическую ситуацию, напр., *Курить вредно*). Союз *цæмай* «чтобы» употребляется, если

СА находится в отношении временного следования в сравнении с ситуацией в главной предикации (7). Большинство матричных предикатов облигаторного контроля присоединяют только инфинитив (например, *идайын* ‘начинать’, *бон у* ‘мочь’, *фалеварын* ‘пытаться’, *ахуыр каэнын* ‘научить’ и др.). При некоторых матричных предикатах (это предикаты *уарзын* ‘любить’, *фандын* ‘хотеть’, *кэауын* ‘быть должным’ и *бар даэттын* ‘разрешать’ и *разы уэвын* ‘быть согласным’) наблюдается конкуренция инфинитива и стратегии с союзом *цамай*. Один из основных факторов, влияющих на выбор между инфинитивом и союзной клаузой – это тип кореферентности в конструкции с СА. Обычно инфинитив используется в том случае, если реализуется наиболее типичная для данного глагола модель контроля (субъектный, объектный и т.п.). Например, в (4) субъект зависимой предикации кореферентен подлежащему главной, что отвечает наиболее типичной модели для матричного глагола *фандын* «хотеть». Если тип кореферентности иной, то выбирается клауза с союзом *цамай* (7). Такое распределение последовательно проводится при матричных предикатах *уарзын* ‘любить’ и *разы уэвын* ‘быть согласным’. Однако при матричных глаголах *фандын* ‘хотеть’, *кэауын* ‘быть должным’ и *бар даэттын* ‘разрешать’ соблюдается лишь вторая часть данного правила: при нетипичной модели кореферентности возможна только стратегия с союзом, в то время как при типичной модели кореферентности возможны обе стратегии. В работе [Выдрин 2011: 297] подробно анализируется проблема распределения союзной стратегии и инфинитива при глаголе *фандын* ‘хотеть’.

Показано, что ряд факторов, которые обсуждаются в работах по глаголам желания в языках мира – интенсивность желания, наличие знания о реализации желания, истинность матричной клаузы – не влияют на выбор стратегии кодирования СА в осетинском языке.

Целый ряд матричных предикатов допускают как инфинитив, так и союз *кай*. Это глагол *зоньн* ‘знать’, предикаты *рох каенын* и *ферох* и ‘забывать’, эмотивные глаголы и предикаты оценки. При предикатах оценки и эмотивных глаголах инфинитив выбирается для выражения события («Хорошо гулять вечером», «Боюсь ходить в лес»), союзная стратегия – для выражения факта («Хорошо, что ты пришёл») или пропозиции («Боюсь, что опоздаю на поезд»). Предикаты со значением ‘забывать’ с инфинитивом употребляются, если есть отрицательная импликация истинности зависимой ситуации (‘забыл сделать’ → ‘не сделал’). Глагол *зоньн* ‘знать’ с инфинитивом имеет значение ‘уметь’.

Употребление деепричастных форм строго ограничено лексически: такие формы возможны только при глаголах непосредственного восприятия, ср. глагол «видеть» в (6).

Номинализация в осетинском языке используется крайне редко, хотя и является грамматичной при большинстве матричных предикатов. Ограничения на использовании номинализации связаны с семантическими сдвигами вида “ситуация → мероприятие” и т.п., характерными для отглагольных имен в языках мира.

Наиболее частотные стратегии оформления СА представляют союзы. Распределение союзов в осетинском языке зависит от семантики вложенной клаузы: *кай* «что» обозначает факт, *куыд* «как» вводит событие, *куы* «когда» – генерическое событие (см. Сердобольская 2011), *цыма* «будто» – ирреальные СА. Союзы *каед* и *цалынмае* засвидетельствованы нами только при одном матричном глаголе – *сенхъæлмæ кæсын* ‘ждать’. Сочинительный союз *æмае* «и» и цитативы *æгъгæ* и *дам* вводят пропозицию.

На первый взгляд, система оформления СА в осетинском языке может показаться похожей на систему русского языка (за исключением использования сочинительного союза в СА). Однако имеется серьезное отличие: в осетинском языке имеется еще одно средство выражения семантики СА, которое появляется при союзных стратегиях. Союз, находящийся в зависимой клаузе, обычно имеет местоимение-коррелят в главной. Если СА находится в постпозиции к главной предикации, то коррелят линейно располагается после СА, как местоимение 3-го лица *уый* в следующем примере:

- (9) *Дæ= мад-æн цæуыл нæ загът-ай*
 2Sg.POSS мать-DAT почему NEG сказать-PST.TR.2SG
[дыууæ кæй ра-йст-ай], уый?
 два COMPL PV-получать-PST.TR.2SG DEMDIST
 {Говорящий знает, что собеседник получил двойку}
 Почему ты не сказал маме, что получил двойку?

Наличие местоимения-коррелята – особенность всех типов полипредикативных конструкций в осетинском языке, см. (Гагкаев 1956), (Кулаев 1959) и анализ в (Беляев 2011). Однако только в одном типе (с незначительными оговорками) полипредикативных конструкций местоимение-коррелят может быть опущено, а именно в СА. Например:

- (10) *Радио-йæ ра-дзырд-т-ой, [райсом уазал*
радио-ABL PV-говорить-TR-PST.3PL завтра холодно
кæй уы-дзæн].
COMPL быть-FUT.3SG
{Говорящий пересказывает прогноз погоды} По радио
сказали, что завтра будет холодно.

Согласно (Абаев 1959: 719), опущение местоимения-коррелята недопустимо, если зависимая клауза предшествует главной, и возможно, только если главная клауза предшествует зависимой, как в (10). Мы показываем, что такое опущение служит для выражения противопоставления пресуппозиции и ассерции в конструкциях с СА: местоимение-коррелят вводит пресуппозитивные клаузы. Если же зависимая клауза принадлежит ассерции, местоимение чаще всего опускается. Например, в (9) факт получения двойки уже известен собеседникам, и в предложении присутствует местоимение-коррелят. В (10) СА содержит новую информацию, и коррелят опущен.

Если же зависимая клауза предшествует главной, то опущение местоимения-коррелята недопустимо, как показано В.И. Абаевым (1959):

- (11) а. *Зауыр æгас кæй у, уый*
Заур жив COMPL быть.PRS3SG DEMDIST
æз зон-ын.
я знать-PRS.1SG
- б. **Зауыр æгас кæй у, æз зон-ын.*
Заур жив COMPL быть.PRS.3SG я знать-PRS.1SG
Я знаю, что Заур жив.

Мы предлагаем такое объяснение данному запрету. Препозиция зависимой клаузы возникает в довольно маркированном контексте для СА в осетинском языке – по нашим данным, она связана с топикальностью СА. Следовательно, топикальные СА оформляются так же, как пресуппозитивные, а именно, они вводятся местоимением-коррелятом.

Таким образом, в осетинском языке противопоставление пресуппозитивных и асертивных СА кодируется наличием / отсутствием местоимения-коррелята: местоимение вводит зависимую клаузу в пресуппозиции или в теме высказывания и не используется, если зависимая клауза находится в асерции и в реме.

3. Итак, осетинский язык располагает богатым арсеналом средств кодирования СА: инфинитив, номинализация.

деепричастные формы, цитативы и союзы. Кроме того, в СА при союзах используются местоимения-корреляты, занимающие позицию в главной клаузе. Мы показали, что данные местоимения-корреляты используются для кодирования противопоставления пресуппозиция vs. ассерция и тема vs. рема, в то время как семантика зависимой ситуации (факт, событие, генерическое событие, ирреальные СА) выражается союзами. Таким образом, для выражения семантических (факт vs. событие и т.п.) и коммуникативных противопоставлений (пресуппозиция vs. ассерция, тема vs. рема) зарезервированы не зависящие друг от друга средства. Такое разбиение семантических параметров при кодировании СА, насколько нам известно, не отмечается ни в типологических, ни в конкретно-языковых исследованиях.

Литература

- Абаев В. И. 1959. Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе.
- Апресян Ю. Д. 1995. Проблема фактивности: *знать* и его синонимы // Вопросы языкознания, 1995, № 4. М.: «Наука», С. 43–64.
- Арутюнова Н. Д. 1988. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: «Наука».
- Беляев О. И. 2011. Коррелентность в коррелятивах: связывание переменной или анафора? // Казанский Н.Н. (отв. ред.). Acta Linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН. Т. 7, ч. 3. СПб: «Наука», стр. 261–269.
- Выдрин А. П. 2011. Система модальности осетинского языка

в сопоставительном освещении. Канд. дисс. СПб: ИЛИ РАН.

Гагкаев К. Е. Синтаксис осетинского языка. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1956.

Зализняк А. А. 1990. О понятии *факт* в лингвистической семантике // Н. Д. Арутюнова (ред.) Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. М.: «Наука», стр. 21–33.

Калинина Е. Ю. 2001. Актантные предложения // А. Е. Кибрик 2001. Багвалинский язык. Грамматика. Тексты. Словари. М.: «Наследие», стр. 512–553.

Кулаев Н. Х. 1959. Союзы в современном осетинском языке. Орджоникидзе.

Подлесская В. И. «Факты», «события» и «пропозиции» в свете фактов японского языка // Вопросы языкознания, 1990, № 4. М.: «Наука», 1990, 93–106.

Сердобольская Н. В. 2011. К типологии выражения значения генерического события в конструкциях с сентенциальными актантами // Acta linguistica petropolitana. СПб: Наука, 431–438.

Karttunen L. 1971. Implicative verbs. In Language, vol. 47, № 2 (1971). Pp. 340–358.

Noonan M. 1985. Complementation. In T. Shopen (ed.) 1985. Language Typology and Syntactic Description, v. 2: Complex Constructions. Cambridge University Press, 1985, pp. 42–140.

Peterson P. L. 1997. Fact. Proposition. Event. (Studies in Linguistics and Philosophy, Vol. 66). Dordrecht: Kluwer.

Ransom E. N. 1986. Complementation: Its Meanings and Forms //
Typological Studies in Language. V. 10. Amsterdam; Philadelphia:
John Benjamins.